

⁶ Там же. С. 184.

⁷ Там же. С. 263.

⁸ Там же. С. 254–255.

⁹ Там же. С. 257.

¹⁰ Климент, конечно, всякий раз оговаривается, что это учение Платон позаимствовал из Закона, осуществляя организующую Строматы стратегию «встраивания» античной философии в «исторически-провиденциальную перспективу» христианской мысли.

¹¹ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 257.

¹² Там же. С. 140.

¹³ Там же. С. 212.

¹⁴ Там же. С. 216.

¹⁵ Там же.

*В. А. Бачинин**

АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ УЧЕНИЕ
О ФОРМАЛЬНЫХ ПРИЧИНАХ — ИСТОЧНИК
СОВРЕМЕННОЙ МЕТАФИЗИКИ ПРАВА

Эвристический потенциал учения Аристотеля о четырех универсальных причинах таков, что позволяет использовать его при осмыслении самых разных, в том числе и философско-правовых, проблем. Согласно Аристотелю, в возникновении конкретного явления или отдельной вещи участвуют, как правило, не одна причина, а несколько ее разновидностей. Философ указывает на четыре типа причин — формальные (формообразующие), материальные, деятельные и целевые. Все они необходимы для возникновения любой из конкретных реалий. Взятые же вместе, они позволяют увидеть дан-

* *Бачинин Владислав Аркадьевич* — докт. социол. наук, проф., ведущий научный сотрудник Социологического института РАН

ную реалию не в статике, а в динамике возникновения, становления и функционирования.

Четыре причины с присущими им признаками всеобщности, необходимости и достаточности свидетельствуют, что в детерминации любой из реалий, которыми живы мир и человек, участвуют не только прошлое (материальные причины), настоящее (деятельные причины) и будущее (целевые причины), но и сама вечность и сверхфизический мир (формальные причины). Не исключено, что на концепцию Аристотеля могла оказать влияние теоретическая позиция Платона, который, по свидетельству Псевдо-Плутарха, выделял *три* сходных типа причин: 1) «то, под воздействием кого...» (творящая причина); 2) «то, из чего...» (материальная причина); 3) «то, для чего...» (целевая причина).

Аристотель обозначил общие признаки универсального каузального комплекса в его необходимой и достаточной полноте, которая была полнотой не описательной, а концептуальной. Мыслитель создал концептуальный эскиз-набросок, методологическая ценность которого такова, что позволяет использовать его в качестве исследовательского инструментария при изучении самых сложных естественных, социальных и духовных объектов. Так, она позволяет взглянуть на правовую реальность истинно философским взглядом и увидеть ее во всей сложности и противоречивости составляющих ее компонентов.

Формальные, материальные, деятельные и целевые причины выставляют своих репрезентантов в тех точках, где право соприкасается с макрокосмом цивилизации и микрокосмом человека. Эти точки или, вернее, зоны развития права представляют наибольший интерес для философского понимания его природы.

Каждому из четырех типов причин соответствуют комплексы своих, особых, факторов, активно участвующих в развитии правовой реальности: 1) формальным причинам соответствуют идеальные первообразы, чистые формы, по образцам которых складываются правовые реалии, образуются те нормы, ценности и смыслы, что определяют сущность права; 2) материальным причинам соответствуют общественные отношения, непосредственные социальные противоречия, подлежащие упорядочению и регуляции при помощи норм и законов права; 3) деятельные причины — это активные духовно-практические усилия конкретных социальных субъектов (индивидов, социальных групп, государственных институтов) по правовой регуляции социальной жизни; 4) в роли целевых причин выступают те идеалы общественного блага, справедливости, социального порядка, цивилизованности, ради которых существует право и к достижению которых оно стремится.

Взаимодействия, пересечения, содержательные интерференции разнообразных причинных влияний препятствуют построениям однозначных объяснительных моделей, касающихся природы права и его отдельных элементов. Значительная часть споров между различными представителями философско-правовой мысли проистекает из-за того, что многим из них свойственно акцентировать свое внимание на разных видах причин и выстраивать вокруг них свои концепции. Сами по себе формальные причины не имеют причин и, следовательно, являются *первопричинами*. Находясь вне правовой реальности, они присутствуют либо в трансцендентных высях, либо в трансцендентальных глубинах. Лишь пройдя через шлюзы человеческого сознания, они обретают вид определенных смысловых, нормативных и

ценностных форм, причастных к миру права. Уже по самой своей природе формальные причины алофатичны. Их чистые формы, пребывающие под сенью тайны, непостижимы теми рациональными средствами, что имеются в распоряжении человеческого разума. Люди в состоянии лишь строить более или менее приемлемые предположения об их существовании и свойствах. Имея перед глазами разнообразные следствия их действия, человек пытается продвинуться в направлении исходных причин, опираясь не столько на способности рассудка и разума, сколько на возможности интеллектуально-метафизической интуиции.

Формальные причины подразделяются на две группы: *трансцендентные* и *трансцендентальные*. Так, к первым греческая мысль относил *номос* (закон), который представлялся умственному взору универсальной безличной силой, подчиняющей своей власти все сущее, в том числе жизнь государств и граждан. Гераклит различал два вида номоса — божественный и человеческий, полагая, что второй произведен от первого. Божественный номос универсален, над всем властвует, все перевозмогает, оберегая мир от губительного распада и хаоса. Человеческий номос руководит жизнедеятельностью людей, упорядочивает ее, придает ей цивилизованный характер, позволяет оберегать все лучшее, что имеется в ней. Поэтому, как говорил Гераклит, людям следует сражаться за номос как за свои стены.

У Платона мысль об исходных первопричинах мирового и социального порядка обрела вид учения об идеях, ни от чего не зависящих, но распространяющих свое влияние на все сущее, составляющих одновременно и источник, и основание, и условие бытия любой из физических, социальных и духовных реалий. Характерный

признак идей — их эталонная нормативность, позволяет им выступать в качестве первообразцов всех элементов сущего и должного. Каждая земная вещь, чтобы отвечать своему предназначению, должна стремиться соответствовать идеям как метафизическим эталонам. Впоследствии, уже после Платона, признаками формальных причин оказались наделены аристотелевский мировой Ум, Первоединое неоплатоников, гегелевский абсолютный дух. В платонических рецепциях русских философов Серебряного века этот каузальный принцип первоначальности метафизической (формальной) первопричины занимал доминирующее место.

В Новое время произошло перемещение философского поиска в субструктурные сферы сознания, и западная культура, включая философско-правовую мысль, начала как будто «проваливаться» в человека, в глубины субъективной реальности. Идея того, что человеческое сознание представляет собой нечто абсолютное, находящееся в основании сущего, предстала у Декарта, а затем у Канта в виде стремления рассматривать любую предметность не саму по себе, а как данную человеку через сознание и его формообразующие усилия. В XX в. эта познавательная интенция оформилась в самостоятельный феноменологический метод. В философско-правовой сфере внимание феноменологов привлекли два объекта — идеальные когнитивные структуры, предшествующие *знаниям* о праве, и безусловные самоочевидности долженствования, предшествующие *нормам* морали и права, представляющие собой чистые структуры, выступающие в роли причин, сообщающих человеческому сознанию и поведению определенную направленность. Феноменология переместила доминанту нормативности из внешнего, трансцендентного мира во внутренний, транс-

ценденальный. В результате человек предстал не как марионетка надличных сил, но как самозаконодательствующий субъект, несущий в самом себе необходимые предпосылки для цивилизованного существования, отвечающего критериям нравственности и правозаконности. А то обстоятельство, что нормативные эйдосы, детерминирующие это существование, обладают абсолютной достоверностью, рождало надежду на благоприятную перспективу в будущем развитии мировой цивилизации.

Из классиков феноменологии ближе всех к морально-правовой проблематике был М. Шелер, которого интересовали априорные основания переживаний, прямо связанные с нравственностью и правом. Если все, что окружает человека в его социокультурной жизни, представляет собой бесконечное разнообразие символов, то важнейшая из задач философии заключается в десимволизации мира, в проникновении за поверхность символов, в приближении к их априорным первоосновам. Это осуществляется через длинную цепь отрицаний-очищений, пока перед философским умозрением не предстанет чистая первооснова.

Символами плотно насыщено бытие права и долг феноменологии пробиться к кроющимся за этими символами априорными структурам, обнаружить в них то, что делает их причастными к абсолютам всеобщего блага и безусловной справедливости. Априорные «самоданности» такого рода усматриваются интуицией, которая, устремляясь вглубь, к первоосновам, очищенным от словесных оболочек и рациональных схематизмов, находит там самоочевидные и неопровержимые ценностные полюса любви и ненависти. Ценности как априорные сущности, пребывающие вне времени и пространства и раз-

деленные на положительные и отрицательные, предписывают человеку определенные модели мироотношения. Даже если бы никто никогда не оценивал убийство как зло, все равно оно оставалось бы злом. И если бы добро никем и никогда не считалось добром, все равно оно было бы добром. Такова, согласно Шелеру, априорная природа базовых ценностей, не зависящих от внешних оценок людей.

Специфика всех указанных выше подходов, заключающаяся в первоочередном внимании мыслителей к сверхчувствительным началам нормативности, заставляла выделять их в особое направление, традиционно именуемое *метафизикой права*. На фоне метафизических принципов позитивистский подход к праву, рассматривающий его в очевидном, эмпирически фиксируемом виде, в отрыве от метафизики, мифологии, религии, нравственности, антропологии, экзистенциологии, максимально зауживает предмет своего внимания, делая его беднее, чем он есть на самом деле. Для юридического позитивизма не существует ни абсолютных первопричин миропорядка, ни вечных сущностей, ни чистых, априорных эйдосов. И поскольку трансцендентная и трансцендентальная реальности его не интересуют, то право предстает в его понимании только как совокупность официально узаконенных юридических требований, базовой причиной которых выступает воля государства.